
И. В. ОРЛОВА

ИНТЕРЕСНАЯ И СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ МОНОГРАФИЯ

Водолагин, А. В. Философия воли. – М.: Изд-во «Держава XXI век», 2005. – 255 с.

Книга доктора философских наук, профессора, члена Союза журналистов и Союза писателей России Александра Водолагина исследует эзотерический подтекст истории западной философии. По мнению автора, мистическое начало является неотъемлемой частью западного мышления.

Во всей работе проводится мысль о том, что тяга к иррациональному присуща западной философии на протяжении всей ее истории. Начиная от мифического противопоставления аполлоновского (светлого) и дионисийского (темного) начал в античности и до современных эзотерических теорий автор полагает, что воля является осевым элементом человеческой психики. Воля, которую автор определяет как фундаментальную структуру человеческого бытия, предшествующую разуму (проявление иррациональной силы), во многом определяет развитие тех или иных цивилизаций, но её навязывание в западном варианте другим цивилизациям неизбежно приведет к катастрофе.

«Волевой натиск демонического духа Запада на реальность, – пишет А. В. Водолагин, – его ширящаяся экономическая, социально-политическая и научно-техническая экспансия навязали всему человечеству (включая такие очаги неволюнтаристических культур, как Индия и Китай) новые ритмы и новые ценности жизни...»¹

Книга А. В. Водолагина раскрывает становление общей теории воли. Сквозная тема всей книги – характеристика мифа как коллек-

¹ Водолагин, А. В. Философия воли. – М.: Держава XXI век, 2005. – С. 251.

тивного сновидения человечества. При этом, как пишет автор рецензируемой работы, было бы ошибкой непосредственно сравнивать современные воления и мифологическое сознание античного человека.

Можно согласиться с А. В. Водолагиным, что иррационально-стихийная природа воли суживает логическую сферу, что возможность манипуляции человеческим сознанием небезопасна для отдельного человека. Вместе с тем стоило бы, наверное, и порассуждать о том, как сохранить индивидуальное сознание.

В первой главе монографии, названной «Магия воли», А. В. Водолагин обращается к началам западной философии, сформировавшимся в Древней Греции на почве религиозно-мифологического мышления. Автор пишет: «Открытие самодостаточной “психической субстанции”, имеющей непосредственный доступ к Богу и поэтому не нуждающейся в посредниках-жрецах, – исходное прозрение, *первичный* (курсив мой. – И. О.) импульс для всей истории западноевропейского самосознания»². *Вторым* импульсом в развитии западной философии явилось открытие идеального бытия – «мира идей», который представлен в виде числа у пифагорейцев, имен в различных мистических учениях, идей у Платона, энтелехии – у Аристотеля. Без этих первообразов, архетипов, принципов бытия невозможно представить дальнейшее философствование. *Третий* импульс, без которого невозможно понять историю западной философии, связан «с обнаружением и признанием безусловной свободы воли – характеристики, позволяющей зафиксировать отличие человеческой души от иных психических субстанций, монад»³.

Нельзя не согласиться с утверждением автора, что миф выступает как основа для философской рефлексии, так как именно миф был фундаментом, организующим жизненный мир человека. Миф выводит индивида за пределы чувственно данной реальности, «существенно расширяя мировместимость его сознания, приобщая к возможному и воображаемому»⁴. Вся древнегреческая философия пронизана мифологемами от одушевления первоначала милетски-

² Водолагин, А. В. Указ. соч. – С. 17

³ Там же. – С. 18.

⁴ Там же. – С. 20.

ми натурфилософами до метафизически мыслящего Аристотеля, представляющего душу как саморазвивающуюся психическую целостность. Существенную роль в истории западной философии автор отводит Плотину, так как, по мнению автора, его концепция – «последнее всеохватывающее слово языческой души о себе и о мире, высший синтез выработанных античностью категорий метафизики»⁵. А учение Плотина о Мировой душе обретет в XX в. новое имя – «коллективное бессознательное».

Переходя к изложению представлений о свободе воли в христианской философии Средневековья, автор сравнивает их с античными представлениями, справедливо замечая, что грекам была неведома природа воли, неуловимая для созерцания и поэтому непознаваемая. Кроме того, в античности воля проявлялась как прихоть, произвол героя, вступившего в спор с богами.

Христианство же несет в себе осознание «слепого упорства первичной свободы», необузданного своеволия, а также отрывает самооценку чистого, свободного от вожделения и гнева воления. «Воля, переставшая обслуживать похоть, вожделение, становится свободной и восприимчивой к божественной помощи, к намерениям Бога»⁶.

Общая черта всей христианской философии заключается в том, что в ней отстаивалась безусловная данность божественной истины в Откровении. При этом и в гностических ересьях, и в учениях апологетов использовался категориальный аппарат античной философии. Несмотря на то, что основная цель средневековой западной философии была в том, чтобы «преобразовать веру в некое знание, способное соединить человека с Богом»⁷, трудно переоценить ее влияние на последующее развитие западной философии. Так, по мнению К. Г. Юнга, благодаря учению гностиков о духе как некоем «другом» высшего божества, стал возможным разговор о боге как о «психологической ценности» и психодинамическом состоянии, превосходящем сознательную волю субъекта и проявляющемся в таких деяниях, осуществление которых было бы недоступно созна-

⁵ Водолагин, А. В. Указ. соч. – С. 64.

⁶ Там же. – С. 68.

⁷ Жильсон, Э. Философия в средние века. От истоков до конца XIV в. – М., 2004. – С. 27.

тельному усилию. Францисканец Бонавентура, описывая шесть ступеней восхождения души к абсолютному знанию, предвосхитил феноменологические исследования Шеллинга и Гегеля, заложил фундамент христианской тео-онтологии. Волюнтаризация западного мышления была начата Августином, который выделял у человека наличие двух воль – плотской и духовной. Вслед за ним Д. Скотт считал, что в бытии человека соучаствуют две воли – Божественная и его собственная. При этом последняя может содействовать Божественной воле или противодействовать ей, порождая зло, «актуальный грех». В новейшей истории эту мысль будут развивать А. Шопенгауэр и Ф. Ницше.

Новый «модус воления», по мнению автора рецензируемой книги, возникает в Новое время в качестве метафизического сомнения, предложенного Р. Декартом. Именно через сомнение человек приходит к осознанию присутствия воли, гарантирующей человеку абсолютное превосходство над всяким иным сущим. Человек, который обрел опору для своего самоутверждения в своей воле, «освобождает себя от обязанности библейско-христианской истины Откровения и церковного учения»⁸.

Значительная часть книги посвящена новоевропейской метафизике воли. Здесь освещены практически все основные концепции философии Нового времени: универсальная онтология Г. Лейбница, интерпретирующая волю как одну из субстанциональных форм бытия, для которой характерно наличие апперцепции; представления контрактарианистов об общей воле как произвольном акте, «непосредственно примыкающем к действию или отказу от действия»⁹; кантовская метафизика воли; воля как структура самополагания в представлениях И. Фихте; воля как «объективировавшийся абсолютный акт свободы, с которого начинается всякое сознание»¹⁰ в трансцендентальной философии Ф. Шеллинга; вершина самосознания субъекта новоевропейской философии, осуществившего синтез фундаментальных определений воли, – Г. Гегель; а также взгляды А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, которые рассматривали волю не как стремление к познанию, а как стремление к жиз-

⁸ Водолагин А. В. Указ. соч. – С. 134.

⁹ Там же. – С. 158.

¹⁰ Там же. – С. 176.

ни, господству, власти. Итог новоевропейской метафизики – воля как единство субъективного и объективного, как форма самополагания человека в качестве субъекта, подчиняющего себе «мир объектов».

Заключительная часть книги посвящена психоанализу как одному из духовных наследников философии воли в традиции западноевропейской мысли. Автор уделяет значительное место взглядам М. Хайдеггера, с которым во многом соглашается. По сути дела, он рассуждает – со-мыслит – вместе с ним на протяжении всей книги, стремясь преодолеть основной «недостаток» западной метафизики, который выражался в категориальном расщеплении действительности на два мира – чувственно воспринимаемый (феноменальный) и умопостигаемый (ноуменальный), и попытках понятийного постижения абсолюта, выходящего за пределы человеческого опыта¹¹.

Безусловно, эта книга способна оказать влияние на умы многих индивидов, склонных к философской рефлексии, но мы не можем согласиться с автором, что философия – «удел избранных»¹². Сократовский девиз: «Познай самого себя!» – может взять себе каждый, кто хоть раз задался вопросом о смысле жизни и своеобразии своего бытия-в-мире, кто осознал свою цель и «свободу воления».

¹¹ Водолагин, А. В. Указ. соч. – С. 235.

¹² Там же. – С. 15.